

скому звучанию пьесы. И вот спектакль получает новую редакцию, в которой пересматриваются образы Астрова и Сони.

Из отвлеченного мира псевдохеховской элегии и унылой скорби эти герои приходят в реальную жизнь, находят свое место на земле, и оно оказывается не столь уж чуждым нам, сегодняшним зрителям. Почему стал так жив и содержателен рисунок С. Папова, какая большая жизнь встала за Астровым? Может быть, она и не так велика по своим задачам — трудная жизнь земского врача, но она деятельна и нужна людям. И она нужна самому Астрову — Папову, несмотря на все ее трудности, на ее безрадостность, на окружающую Астрова косность. В упрямом взгляде Астрова — Папова мы угадываем его желание спорить с этой действительностью, дразнить, тревожить ее. Да, его душа тоскует по «огоньку», которого нет на его пути. Но несмотря на это, а может быть, именно поэтому Астров, созданный Паповым, снова и снова пойдет к людям, снова будет сажать молодой лес, прекрасного зрелого возраста которого он и не увидит. Так по-другому подходит Папов к финалу. С иным отношением, с большей мужественной простотой прощается он с тихим уютом дома Серебряковых и уходит в глухую и все же не страшную для него ночь.

Сложная духовная жизнь Сони приобрела ясную внутреннюю перспективу. Нет, Соня Федоровой не лишняя на земле; сила ее духа, ее вера в будущее — одна из тех частиц, которые составляют лучшее в русских людях дореволюционной России — их правдивую сопротивляемость действительности. Как лучшие русские женщины, Соня Федоровой несет в себе черту самоотверженности, свойственную натурам незаурядным. Действительность, как ни тяжка она, не разрушила сонинго характера, — она воспитала его. И Федорова на редкость правдиво раскрывает этот воспитанный жизнью характер. В момент бунта Войницкого ей во всей остроте открывается бесплодность их маленького подвига во имя несостоявшегося таланта профессора. Соня — Федорова смотрит на дядю Ваню, и какой-то удивительно ясной решимостью озаряется ее милое лицо.

«Надо быть милосердным, папа», — произносит она, и интонации этой короткой фразы поражают наш слух глубиной и многогранностью мысли, заложенной в ней. Здесь — и понимание непоправимости всего свершившегося, и огромная боль за судьбу дяди Вани, и ясное, озаренное силой женской души видение будущего. Может быть, в этот момент в ней зреет неощутимое еще ею внутреннее сопротивление, схожее с тем, которое заставляет Астрова, несмотря ни на что, оставаться человеком со своей самостоятельной, независимой жизненной линией. И когда Соня подходит прощаться к Астрову, эта решимость созревает в ее душе: Соня — Федорова смотрит на Астрова взглядом, полным такого внутреннего благородства и ясности, что мысль о героичности этого характера приходит сама по себе. И тогда по-иному звучит ее последний монолог, в котором истинно душевной силой полны слова: «Мы отдохнем, я верую, дядя Ваня, я верую».

Эта сцена спектакля наполняется глубоким обобщением: ясная сила Сони — Федоровой поднимает, заражает своей верой измученную, потрясенную душу Войницкого. Пусть неизвестно их будущее, одинока их жизнь. Но это люди большого сердца с высоким человеческим достоинством, с мужественной верой в неизбежность прихода прекрасной, плодотворной жизни.

Ясная, жизнеутверждающая мысль помогла артистке Федоровой создать образ большой душевной силы и чистоты — истинно чеховский образ.

ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕАТР. «Дядя Ваня». Соня — К. Федорова.

